

ПРЕДИСЛОВИЕ

За каждым нашим, казалось бы, благим деянием наблюдает дьявол, который по-отечески похлопывает нас по плечу и одобрительно шепчет: «Так держать!»

Юнг К. Г. *CW* 10, A Psychological View of Conscience, параграф 837*

Этот сборник эссе появился благодаря тому, что мне довелось одновременно выполнять задачи, которые ставила передо мной преподавательская деятельность, наблюдать за жизнью анализандов (то есть анализируемых личностей) и описывать происходящие со мной события. Например, первые три эссе я написал, согласившись поразмышлять на тему «Множество ликов истины», которую предложили на летнем семинаре «Юнг на Гудзоне» в 2021 году. Столь эффектное название сразу же навело меня на мысль о том, как редко истина, которая всегда воспринимается нами субъективно, удосуживается объективного отношения, и эта мысль немедленно обрисовала перед моим внутренним взором сразу три темы для обсуждения. Их можно выстроить в таком порядке: 1) внутренние препятствия, которые мешают познать себя и окружающий мир: страх, скепсис и апатия; 2) поглощённость необходимостью приспособливаться к окружающей действительности; 3) одержимость «историями», опираясь на которые мы пытаемся постичь смысл своей жизни.

* Сокращение CW здесь и в дальнейшем означает The Collected Works of C. G. Jung, то есть избранные сочинения К. Г. Юнга.

В своих эссе я с разных сторон рассматриваю пропасть, лежащую между внешним миром и миром внутренним, который воспринимает, осмысляет и даёт свою интерпретацию воспринимаемого. В помощь нам досталось наследие Дэвида Юма из Эдинбурга и Иммануила Канта из Кёнигсберга, которые ещё в начале XIX века убедительно доказали, что человек не может постичь «вещи в себе», а располагает только оттиском, который они оставляют внутри него.

Мы с вами можем смотреть на один и тот же апельсин, но воспринимать совершенно разные реальности, каждый пребывая в своём уникальном «апельсиновом» пространстве. Решив фундаментальную задачу метафизики по распознаванию «реальности», философы взялись за вопросы эпистемологии, которая занимается исследованием процесса познания и границ знания, и аксиологии, фокусирующейся на том, что мы делаем с тем, что, на наш взгляд, познали. Эта смена философского курса породила ещё одно направление — феноменологию, которое изучает обусловленность процессов чувствования, восприятия и воображения. Наряду с повсеместным упадком этнической и институциональной мифологии всё вышеописанное в конце того же века привело, как отметил Юнг, к неизбежному «изобретению» глубинной психологии. Он, Фрейд, Адлер и другие на рубеже XIX и XX столетий представили миру учение о бессознательном и разработали способы установления с ним диалога в попытке исследовать то, что нам по определению неизвестно. Спустя десятилетия мы продолжаем идти через тёмный лес психики по дороге из хлебных крошек, развивая таким образом проект, который родился на стыке миров модерна и постмодерна.

Окружѐнное величественными руинами давней традиции «определѐнности», человеческое эго неоднократно вынуждали спускаться с его предполагаемого престола, разбираться со своенравными, поднявшими бунт крестьянами и признавать, что на самом деле никто не знает, что нас ждѐт за следующим поворотом истории. Я часто с удовольствием вспоминаю меланхоличную поэтику Библии, которая известна как Библия короля Якова, особенно строку из Первого послания Павла к коринфянам: 13:12. «Пока мы видим неясно, словно глядим в тусклое зеркало, но после увидим лицом к лицу; пока я знаю лишь отчасти, но следом познаю так же совершенно, как я был познан». Возможно, нас «познал» Господь, как полагал Павел, или наша собственная душа, к чему склоняются многие современники, но так или иначе внутри каждого из нас есть нечто, что знает больше, чем знаем мы, знает нас лучше, чем знаем себя мы сами. Кажется, оно ищет удобного случая завести беседу с сознанием, насылая сны, симптомы и озарения, чтобы разрушить ветхую защиту эго. Большинство из нас, живущих сейчас на этой планете, всё ещё смотрит на мир через отражение в осколках тусклого зеркала; нам остаѐтся только пытаться из искажающих смысл фрагментов сложить полную и достоверную его картину. И если это всё, что нам дозволено иметь, то лучше отнестись к ним со всей серьёзностью.

На семьдесят втором году жизни я познал больше, чем когда-либо знал раньше, и знаю меньше, чем мне было открыто, когда я был ребёнком. Я попрощался с концепцией спокойствия ума. Всё несѐтся слишком беспокойно, слишком стремительно, чтобы в неё вписаться. В 1970-х годах я сидел на лекции в Институте К. Г. Юнга в Цюрихе. Там я впервые услышал вопрос, который когда-то мог родиться

только в таком незаурядном уме, каким обладал Юнг. Куда, интересовался он, отправились боги после того, как покинули Олимп? Ведь если они боги, то по определению бессмертны. Где же сегодня Зевс, Гера, Афродита, Арес, Аполлон, Артемида и вся остальная блистательная компания? Юнг предполагал, что энергия, которая некогда освещала и одухотворяла эти имена, должна была давно утечь от них прочь. Таким образом, нам следует признать, что «боги» суть «энергия», а не антропоморфные существа, взирающие свысока на нашу потрёпанную планету. Согласно ходу рассуждений Юнга, далее они вошли в солнечное сплетение современности, где, покинутые и никому не нужные, стали загнивать и превратились в болезни, терзающие наш век и нашего брата.

В тот момент я понял, какой теме посвящу свою дипломную работу в Цюрихе: поиску того места, куда утекла эта извечная энергия. Примерно тогда же я читал «Сонеты к Орфею» Рильке на немецком. В одном из них герой описывает то, что остаётся после исчезновения Аполлона — nur ein Spur, то есть лишь след. Пришедшая мне в голову метафора «поиска следа» богов показалась какой-то нерешительной и неточной — так появилось название «В поисках божественной обители», под которым позже я издал полноценную книгу. Проследив, в каком аспекте человеческой жизни эта энергия проявляется сегодня, мы поймём, куда нужно направить сознание и вместе с ним ответственность.

Как я писал в книге «Жизнь между мирами»: «Боги ушли и оставили нас наедине с самими собой, но ничего хорошего из этого не получилось. Мы старательно совершенствуемся в отрицании, убеждённо отстаиваем наши заблуждения, хватаемся за тысячи отвлекающих, отупляющих, затягивающих и соблазнительных идей, думая, что они спасут, но

Предисловие

в итоге остаёмся одинокими, покинутыми и исполненными безнадёжной тоски»*.

Таким образом, мой сборник эссе посвящён отслеживанию движений духовного мира через материальные формы. Этот проект вдохновлён глубинной психологией, и он призван принести обновлённую энергию, импульс, озарение, чтобы расширить наши горизонты. Я надеюсь, что мои эссе в какой-то степени подтолкнут вас понаблюдать, как эта энергия проявляется в вашей жизни.

*Джеймс Холлис, доктор философии
Вашингтон, 2021 год*

* *Hollis, Living Between Worlds, p. 190.*

Глава первая

СТРАХ, СКЕПСИС, АПАТИЯ: ИЗЛЕЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

Соппротивление всегда соизмеримо с тревогой, которую вызывает новый вызов или испытание. Внутри каждого из нас бушует гражданская война, и обычно защитные инстинкты сразу же пугаются грандиозности задач, которые ставит перед нами жизнь. Кроме того, нас часто с головой накрывает скептическое отношение к своим внутренним ресурсам, необходимым для прохождения испытания, а также врождённое отвращение к преодолению трудностей. Эти столкновения, конфликты внешнего и внутреннего мира, разрешаются только в том случае, если мы приходим к необходимости изменить своё отношение, поставить более рискованную, но вместе с тем тщательно обдуманную цель и регулярно, каждый день стараться сместить баланс от регресса к прогрессу.

Когда психотерапевты беседуют друг с другом или разбирают случаи с супервизором, они часто ломают голову над удивительным парадоксом: клиенты обращаются к ним за помощью, потому что хотят перемен в жизни, и при этом всеми силами сопротивляются этим переменам. Всем известно, что сопротивление и страх — прямо пропорциональные величины. Юнг отмечал, что уже на первый сеанс его клиенты приходили с примерным представлением о том, какие проблемы и задачи их ждут впереди. Он утверждал, что психотерапевт должен постоянно задаваться вопросом: какой ответственности этому человеку помогает

избежать его образ жизни? Многие полагают, что психотерапевт обладает какой-то магической силой, которую он развил в результате успешного разрешения подобных затруднительных вопросов в своей жизни или которую открыли в нём некие мистические приёмы и практики, освоенные во время профессиональной подготовки. Несколько лет назад в книге «Сотворение жизни» я написал, что очень немногие пришли бы на терапию, и из них ещё меньше людей стали бы её продолжать, если бы этический кодекс психотерапевта предписывал придерживаться в рекламе своих услуг принципов честности.

Если бы появилась необходимость полностью раскрыть все профессиональные секреты, то психотерапевту пришлось бы без околичностей указывать всем новым клиентам на суровую реальность:

Во-первых, вам придётся иметь дело с вашей ключевой проблемой всю жизнь. Представьте, что ведёте бесконечную войну с самим собой — вы сможете одержать победу лишь в нескольких стычках, и это будет хорошим результатом. Возможно, спустя десятилетия вы обнаружите, что, сражаясь на одном и том же фронте, даже не заметили, как местность вокруг изменилась, но на самом деле всё, с чем вы продолжите иметь дело, останется тем же, чем оно и было.

Во-вторых, вам придётся разобраться с многочисленными силами, которые вы собрали для защиты от раны, которая продолжает в вас кровоточить. Чем дальше вы на пути к исцелению, тем чаще именно эти защитные силы будут вас тормозить, но избавиться от них не так просто, потому что без этого спасительного кокона вы снова в полной мере ощутите, насколько сильна боль от раны.